

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ТОТАЛИТАРНОМ ГОСУДАРСТВЕ (лингво-социофилософский аспект)

Проблема взаимоотношения языка и идеологии весьма сложна и многогранна. С одной стороны, идеология оказывает значительное воздействие на язык, с другой - язык как средство объективации различных форм идеологии влияет на процесс ее формирования и распространения. Отечественные и зарубежные ученые не раз обращались к исследованию вопросов, связанных с взаимоотношением языка и идеологии. Однако при всей общетеоретической и практической значимости этой проблемы, а также ее безусловной актуальности она до сих пор остается малоизученной.

Мы ставим задачу: выявить лингво-социально-философские причины воздействия на общественное сознание в тоталитарном государстве и определить специфику и механизм этого воздействия.

Видение мира обусловлено языком, порожденным определенным культурным пространством. Следовательно, «любой человек видит мир не так, как диктует ему непосредственный опыт, а так, как диктует ему другая, более высокая, чем непосредственный опыт, - инстанция – инстанция культурных истин. Эти культурные истины... и есть мифы, которые задают человеку определенную соразмерность восприятия мира и заставляют его восприятие подстраивать мир под эту – ту или иную – мифологическую размерность» [10, с. 17]. Руководители партии большевиков уяснили значимость языка для проведения необходимой в стране политики в первые годы советской власти, ибо никакая иная форма бытия не детерминирует сознание так, как язык [4, с. 174].

«Стандартное представление языка в каждой стране выступает содержательной основой языковой политики как формы участия государства в формировании национальной идеологии» [12, с. 107]. В тоталитарном обществе язык используется для манипуляции сознанием людей в рамках заданной властными структурами идеологии, что становится очевидным при сравнении содержания высказываний с действительным положением вещей; это становится реальным после того, как тоталитаризм терпит крах. Поэтому совершенно не случайно историки, философы, этнографы и лингвисты вновь и вновь возвращаются к анализу советского периода. Прежде всего, осмысление данного явления произошло в трудах философов. Осмысление языка сталинской эпохи началось позже. Между тем манипулирование сознанием миллионов людей происходило через язык. В СССР установился режим, в рамках которого была только одна легитимная социально-политическая картина мира. Одно мировоззрение – один язык – одна картина мира. Вариативность поведения, в том числе и языкового, ограничена. Эффект обеспечивает стереотипность толерантности, делающей общение простым, предсказуемым, незатрудненным. Все функциональные разновидности тоталитарного языка выравниваются и обезличиваются с помощью стереотипов. То есть суггестия, понимаемая как творческий процесс [16, с. 46], в сталинский период была примитивной. Например, синтаксис советской эпохи характеризуется высокой активностью предложений без прямого обозначения действующего лица-субъекта: *кому-то это выгодно, есть мнение; выдвигаются в качестве основных принципов диалектики* и др. С одной стороны, это обезличивание действий отдельного человека, но с другой – под этим МЫ – прикрытие любых действий и решений именем партии [15, с. 308]. В научном стиле речи развивается принцип *Мы-изложения* (мы думаем, что...; в результате исследования мы пришли к выводу...), способствующий унижению личных заслуг автора.

Тоталитарная языковая политика исходит из того, что стереотипы содействуют созданию коммуникативной гармонии. Используя это правило, она делает его обязательным как для языка, так и для мышления. Лексика была сконструирована так, чтобы точно выразить любое дозволенное значение, нужное члену партии, кроме того, отсесть все остальные значения, равно как и возможности прийти к ним окольными путями.

* © А.М. Родченко, Кемеровский государственный университет, 2006.

Это достигалось изобретением новых слов, но в основном исключением слов нежелательных и очищением оставшихся от неортодоксальных значений. «Слово «свободный» в новоязе осталось, но его можно было использовать лишь в таких высказываниях, как «свободные сапоги», «туалет свободный». Оно не употреблялось в старом значении «политически свободный», «интеллектуально свободный», поскольку свобода мысли и политическая свобода не существовали даже как понятия, а, следовательно, не требовали обозначений. Помимо отмены ортодоксальных смыслов, сокращение словаря рассматривалось как самоцель, и все слова, без которых можно обойтись, подлежали изъятию. Новояз был призван не расширить, а сузить горизонты мысли, и косвенно этой цели служило то, что выбор слов сводили к минимуму» [14, с. 123]. В книге для внеклассного чтения под редакцией Н.М. Шанского [19] в словарной статье, посвященной слову *советский*, пишется: «...прилагательное *советский* является одним из самых родных и заветных слов. Оно дорого каждому своей содержательной сутью, поскольку неразрывно связано с выражением наших революционных понятий. Оно близко нам своим рождением, поскольку наиболее важными значениями целиком и полностью обязано Великому октябрю» [19, с. 16]. На подсознание незаметно происходит целенаправленное воздействие: значимы те слова, которые связаны с революционным прошлым советского государства. Данное же слово связано с фундаментальными понятиями «новой эпохи истории человечества». Далее со ссылкой на Ленина говорится о том, какой гордостью **должны** наполняться сердца советских людей оттого, что это слово «не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски» [Там же]. Указываются четыре основных значения, которые имеет прилагательное *советский*: 1) относящийся к государственной власти Советов; 2) относящийся к Стране Советов, свойственный или принадлежащий Стране Советов; 3) свойственный, присущий людям Страны Советов; 4) относящийся к деятельности в Советах. После указания значений вновь обращение к Ленину, которому данное слово обязано своим употреблением. Дается информация о том, что слово *советский* употребляется с XIX века в русском языке, «однако по своей языковой природе оно не только не связано по смыслу с существовавшим до революции, но и не имеет с ним ничего общего» [Там же, с. 17]. В качестве иллюстративного материала приводятся высказывания Ленина, в которых употреблено слово *советский*. Краткий анализ одной словарной статьи показывает, как через интерпретацию значений одного слова у человека формируется вполне определенная в заданных идеологией стереотипах картина мира. В качестве примера, подтверждающего формирование нужной картины мира, можно привести ставшее расхожим в тоталитарном государстве выражение «старший брат». «Тот, кто придумал русскому народу титул старшего брата, наверняка, не знал, что это словосочетание объективно выглядит калькой французского: так, например, именовали себя бельгийцы в Конго (нынешнем Заире) [1, с. 22]. С.И. Ожегов в 1-м издании Словаря русского языка изложил сведения о происхождении слов, однако ему приказано было убрать данную информацию на том основании, что слова на А и Ф иностранного происхождения. Уничтожались не только родословные корни человека, но и этимологические знания о словах. Такой подход к языку Солженицын назвал «холостящим советским обычаем» [17, с. 5]. Таким способом «идеологи навязывают населению страны искаженное, противоположное исконному понимание простых, общеупотребительных слов» [1, с. 35].

Следует отметить, что человек, категоризируя действительность, живет в границах выработанных им стереотипов. Без стереотипов, без того, что является прототипичным для человека определенной культуры, невозможно ориентироваться в окружающей действительности [5], важны в этом случае цели, которые кладутся в основу создания стереотипов. Естественно, что стереотипы обыденного поведения детерминированы вековыми традициями, которые даже тоталитарный режим не в силах изменить (например, специфика национальной кухни), но эти изменения ему и не нужны. Они не представляют особой опасности для его функционирования. Но и в этом плане проявлялась идеологическая работа (изысканная пища ассоциировалась с буржуазией: «Ешь ананасы, рябчиков жуй. День твой последний приходит, буржуй»), то есть во имя светлого будущего необходимо отказаться от гастрономической утонченности. Такой лозунг особенно важен в периоды нехватки продуктов питания. Так происходит подмена истинного положения дел лживыми лозунгами.

Стереотипы не осознаются людьми, проявляясь на уровне бессознательного в таких структурах знания, как фрейм [11]. Фреймы социальны [2, с. 44]. Проникновение в замыслы другого человека осуществляется с помощью специальной настройки фрейма, которая производится уже в начальной школе. А.И. Щербинин, проанализировавший школьные учебники тоталитарного государства, показал, как подбирались упражнения с целью формирования нужной картины мира. Рекомендованные для уроков русского языка тексты отражали достижения колхозного строительства, социальной картины партийно-политической иерархии. Изучались приставки, суффиксы, окончания, но при этом «в сознании, а главное в подсознании остался сконструированный образ мира и заданные координаты восприятия реальности: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Именно поэтому школьное образование можно назвать одним из базовых факторов формирования ментальности [21, с. 126]. Формированию картины мира способствовали и темы предлагаемых в школе сочинений, такие, например, как: «День памяти Ленина»; «Как пионер помог арестовать врага» и др. В средней школе, как указывает Щербинин, «картина политического мира становится все более разнообразной» [Там же, с. 127]. Используются методы противопоставления настоящего и прошлого, друзей и врагов, старо-

го и нового. Изучение непроницаемых согласных, проверка правильного написания безударных гласных, правила правописания наречий, причастий, предлогов основывается на текстах, формирующих негативное отношение к прошлому советского государства, к его врагам и уверенность в светлом будущем. Все заслуги в строительстве коммунизма, светлого будущего человечества, связываются с именем Сталина и Ленина. В вузе практически все учебники начинались с цитат вождей советского государства. В частности, учебник для государственных университетов и педагогических институтов профессора А.С. Чикава «Введение в языковедение», изданный в 1952 г., начинается с восхваления труда И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языковедения», который, как утверждает автор, «вызвал коренной переворот в развитии советской науки о языке» [19, с. 7]. Во введении Чикава помимо таких разделов, как «Языковедение и общее языковедение», «Научное изучение языка как результат исторического подхода к фактам языка», «Донаучные грамматики – филологическая грамматика и рациональная грамматика», указывает раздел «Советское языковедение как новый этап в развитии науки о языке». В этом разделе перечисляются работы Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Особая роль отводится Сталину, указываются такие его работы, как «Относительно марксизма в языковедении», «К некоторым вопросам языковедения», «Ответ товарищам», «Марксизм и вопросы языковедения». Представлена негативная реакция Сталина к антимарксистскому, вульгарно-материалистическому, ненаучному «новому учению о языке» Н. Марра. При этом не говорится ни об одном лингвисте сталинской эпохи, внесшем существенный вклад в развитие советского языковедения (таких, как В.В. Виноградов, Л.А. Булаховский, А.А. Шахматов и др.).

Неприкрытое воздействие на сознание людей, формирование жесткой картины мира осуществлялось через преподавание такого предмета, как история КПСС. «Советские специалисты в этой области обязательно являлись членами партии, связанными строгой дисциплиной, которая требовала от них тенденциозной, «партийной» в ленинском смысле, интерпретации фактов истории» [6, с. 13-14]. Насильственное внедрение в сознание одного текста, «Краткого курса истории ВКП(б)», изданного в миллионных экземплярах в СССР при Сталине, аналогично «воздействию повторных травм, воспроизводимых центральной нервной системой и приводящих к длительным неврозам» [8, с. 565], которые становятся привычными и воспринимаются как данность. Ложная картина мира воспринимается как истинная. При этом утаивается и сам факт утаивания [7, с. 68], ибо «ложь не есть утверждение чего-то неистинного. Она представляет собой речь, скрывающую и знающую о том, что она скрывает» [Там же].

Особую роль в формировании придуманной тоталитарным режимом языковой картины мира играло обращение. Революция, устранив социальное неравенство, связанное с употреблением таких обращений, как сударь, сударыня, Ваше превосходительство, ввела унифицированное обращение *товарищ* [9, с. 128]. Слово *товарищ* приобрело новое значение, означавшее принадлежность человека к классу пролетариата. «Его использование как бы подчеркивало включенность говорящего в советскую систему» [Там же]. Вполне естественно, что данное обращение особенно широко использовалось в политическом дискурсе, который наиболее активно и жестко формировал языковую картину мира тоталитарного государства. Советская политическая лексика, подхваченная и многократно растиражированная лидерами общественного мнения, оказывала значительное влияние на формирование общественного сознания. В связи с этим возникают широкие возможности для искусственного планомерного воздействия на общественное сознание посредством контроля за процессом построения политического дискурса. Выработанная в тоталитарном государстве картина мира ориентирована на «совпадение мыслей, целей, образа жизни» [13, с. 12] граждан этого государства, приобретающих качественно новое мышление – мышление толпы, превозносящей своего вождя. Сознание толпы, детерминированное единой идеологией, лишенное традиционных корней, культурных ценностей, оказывается разрушительным для самосознания нации. Ложь, сокрытая в духовных началах, приводит «к процессу дегуманизации, к отрицанию ценности всякого человека, к сужению человеческого сознания» [3, с. 243].

Стремление к осуществлению контроля над человеческой мыслью таит в себе разрушение искусственно создаваемой ментальности, ибо она не согласуется с деятельностными особенностями мозга. Л. Витгенштейн отметил, что человек познает мир посредством естественных категорий, имеющих размытые границы (что проявляется и в языке). Идеологами тоталитарного порядка провозглашались значимыми категории с жесткими границами, обуславливающими лозунговое мышление, исключаящее критическое осмысление действительности. Как отмечал В. фон Гумбольдт, человек познает мир путем сравнения. «Железный занавес», отрезавший информацию о внешнем мире, исключил возможность сравнения организации общественного порядка в разных странах. Ложная информация свидетельствовала о том, что все самое лучшее имеет место только в СССР.

Таким образом, языковая картина мира тоталитарного государства характеризуется жесткими границами, которые направляются единственной идеологией, ориентированной на программирование личности в русло тотально обобщенного сознания, в пределах которого личность как таковая растворяется в политизированных стереотипах, объективированных в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басовская Е.Н. Художественный вымысел Оруэлла и реальный советский язык / Е.Н. Басовская // Рус. речь. – 1995. - № 4. – С. 35-43.
2. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана / Г.С. Батыгин // Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. – М., 2004. – С. 8-58.
3. Бердяев Н. Русская идея / Н. Бердяев. - М.: Аст., 2002. – 616 с.
4. Библер В.С. Национальная русская идея? – Русская речь! / В.С. Библер // Октябрь. – 1993. – № 2. – С. 156-192.
5. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая; пер. с англ.; вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Рус. словари, 1996. – 411 с.
6. Власть в русской языковой и этнической картине мира / С.В. Ермаков, И.Е. Ким, Т.В. Михайлова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 408 с.
7. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного / Г.Г. Гадамер; пер. с нем.; послесл. В.С. Малахова; коммент. В.С. Малахова, В.В. Библихина. – М.: Искусство, 1991. – 368 с. – (История эстетики в памятниках и документах).
8. Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Знаковые системы. Кино. Поэтика / В.В. Иванов. - М.: Языки русской культуры, 1998. – 911 с.
9. Кронгауз М.А. Семантика: учебник / М.А. Кронгауз; Ин-т «Открытое общество». – М.: РГГУ, 2001. – 398 с.
10. Лобок А.М. Антропология мифа / А.М. Лобок. – Екатеринбург: Банк культ. информ., 1997. – 686 с. – (Библиотека философа). – (Философский андеграунд Урала).
11. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский; пер. с англ. О. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. - М.: Энергия, 1979. – 151 с.
12. Мирский Э. Национальная идеология и язык / Э. Мирский // Высш. образование в России. – 1999. - № 3. – С. 105-108.
13. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Ермак. – 269 с.
14. Оруэлл Дж. 1984 / Дж. Оруэлл // Новый мир. - 1989. - № 4. – С. 92-130.
15. Пеппель Л. Фигура умолчания в политическом дискурсе / Л. Пеппель // Логический анализ языка. Язык этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 306-313.
16. Романов А.А. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации / А.А. Романов, И. Ю. Черепанова. – Тверь: ГЕРС, 1998. – 204 с.
17. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения / А.И. Солженицын. - М.: Наука, 1990. – 272 с.
18. Хан-Пиран Э.И. Язык власти и власть языка / Э.И. Хан-Пира // Вестник АН СССР. - 1991. - № 4. – С. 12-24.
19. Чикобава А.С. Введение в языкознание: Ч. I / А.С. Чикобава. – М.: Госучпедиздат Министерства Просвещения РСФСР, 1952. – 243 с.
20. Шанский Н.М. Слова, рожденные октябрем: книга для внеклассного чтения (VIII-X кл.) / Н.М. Шанский. - М.: Просвещение, 1980. - 112 с.
21. Щербинин А.И. «Я русский бы выучил только за то...». Изучение языка как средство конструирования картины тоталитарного мира в сознании советских школьников / А.И. Щербинин // Полит. исслед. - 2000. - № 1. – С. 124 - 141.